

М. С. АЛЬПЕРОВИЧ

РОЛЬ НАРОДНЫХ МАСС В ВОЙНЕ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ МЕКСИКИ

Мексика — одна из тех стран Латинской Америки, где борьба против испанских колонизаторов в первой четверти прошлого столетия приняла наиболее широкий размах. Именно к Мексике следует в первую очередь отнести слова прогрессивного мексиканского автора Мануэля Морено о том, что «война за независимость народов Испанской Америки носила характер социальной революции, так как по существу являлась борьбой эксплуатируемых против эксплуататоров, угнетенных против угнетателей»¹.

Пример Мексики наглядно подтверждает, что решающую роль в освобождении латиноамериканских стран от испанского колониального ига и достижении ими независимости сыграли народные массы.

* * *

После испанского завоевания Мексика вошла в состав вице-королевства Новая Испания, охватывавшего к началу XIX в. все владения Испании в Северной и частично в Центральной Америке. Подавляющее большинство коренных жителей страны — индейцев было лишено почти всех своих земель, полностью зависело от произвола колониальных властей, помещиков, церкви и подвергалось неограниченной эксплуатации. Индейцы должны были отбывать принудительную трудовую повинность и не могли менять место жительства. Для них был введен ряд унизительных запретов. Им не разрешали разводить крупный скот, выращивать виноград и оливы, ездить на лошадях, носить испанскую одежду, пользоваться огнестрельным оружием. Испанцы всячески препятствовали индейцам торговать и заниматься ремеслами². Большинство индейцев было прикреплено к крупным поместьям (асьендан). Многие индейцы превратились в наследственных долговых рабов-peonов, попавших в кабальную зависимость от помещиков. Долговое рабство существовало также на рудниках и мануфактурах. Индейцы, находившиеся под непосредственной властью испанской короны, должны были платить подушную подать. Угнетала индейцев и церковь, использовавшая католическую религию как средство их закрепощения. На принадлежавших испанцам плантациях и промышленных предприятиях значительную часть рабочей силы составляли также негры-рабы, мулаты и самбо³.

¹ M. M. Moreno. *Génesis sociológica de la independencia Hispano-americana*. México, 1952, p. 4.

² См. А. Фабила. Судьба мексиканских индейцев.— Сб. «Латинская Америка в прошлом и настоящем». М., 1960, стр. 428.

³ O. Pi-Sunyer. Historical Background to the Negro in Mexico.— «The Journal of Negro History», vol. XLII, October 1957, № 4, p. 242. Автор считает, что большинство негров в Новой Испании являлось рабами.

Жестоко эксплуатируя коренных жителей колонии, господствующие классы Испании в то же время всячески тормозили развитие местной промышленности. Желая сохранить свою монополию на ввоз товаров в Мексику, испанские власти запрещали разведение в стране тех сельскохозяйственных культур, которые выращивались в самой Испании. Многочисленные монополии на продажу соли, спиртных напитков, табачных изделий, пороха и других товаров препятствовали развитию внутренней торговли. Весь импорт облагался высокими таможенными пошлинами. Кроме того, при любой торговой сделке взимался особый налог — алькабала, размер которого составлял в начале XIX в. 6—8 % стоимости товара.

Колониальный режим, с присущими ему запретами и регламентацией экономической жизни, многочисленными налогами, докапиталистическими формами эксплуатации и фактическим прикреплением к земле большинства непосредственных производителей, препятствовал развитию производительных сил и формированию капиталистических отношений в Мексике.

Колониальный гнет означал также политическое бесправие и дискриминацию подавляющего большинства населения вице-королевства Новой Испании. Привилегированная верхушка колониального общества состояла из уроженцев метрополии (которых местные жители презрительно называли гачуинами). Они занимали почти все высшие административные, военные и церковные должности, монополизировали внешнюю торговлю; некоторые из них владели крупными поместьями и рудниками. Однако большинство помещиков, владельцев рудников и промышленных предприятий составляли родившиеся в Америке потомки европейцев — креолы, которые пополняли также ряды колониальной интеллигенции, занимали средние и низшие должности в административном аппарате, церкви и армии. Юридически креолы имели те же права, что и уроженцы метрополии, но фактически подвергались дискриминации и лишь в виде исключения назначались на высшие посты в вице-королевстве. Что же касается метисов, мулатов и других категорий смешанного населения — в основном мелких землевладельцев (ранчero), торговцев и предпринимателей, ремесленников и лиц свободных профессий⁴, — то они вообще были лишены гражданских прав. Представители этой многочисленной группы населения (в начале XIX в. она составляла не менее 40 % общего числа населения) не могли занимать чиновничьи и офицерские должности, участвовать в выборах органов городского самоуправления и т. д.

Экономическая политика метрополии, дискриминация и политическое бесправие вызывали сильнейшее недовольство ремесленников, городской бедноты, мелких и средних землевладельцев, а также креольских помещиков, купцов, владельцев рудников и промышленных предприятий. О растущем сопротивлении различных слоев населения Новой Испании колонизаторам свидетельствовала никогда не прекращавшаяся борьба против испанского господства и особенно — многочисленные народные восстания XVII—XVIII вв. Идейным выражением стремления широких кругов мексиканского общества к освобождению страны от колониального гнета и достижению независимости явились выступления философов-просветителей Мексики последней трети XVIII в. И. Бартолаче, Х. А. Альсате, Х. Б. Диаса де Гамарра-и-Давалоса, стремившихся пробудить национальное самосознание своих соотечественников.

Таким образом, подъем в начале XIX в. освободительного движения в Мексике, как и в других испанских колониях в Америке, был обусловлен целым рядом причин социально-экономического, политического и идеологического характера. Непосредственным толчком к началу войны за независимость послужили революционные события в Испании, последовавшие

⁴ Следует иметь в виду, что некоторые креолы также занимались мелкой торговлей, ремеслом или были мелкими землевладельцами. В то же время часть метисов превратилась в шеонов, рабочих рудников, мануфактур и т. д.

за вторжением наполеоновской армии (1808 г.). Несмотря на репрессии колониальных властей, движение за независимость усиливалось в Мексике с каждым днем, а наиболее решительные ее сторонники переходили к вооруженной борьбе. В 1809 г. в Вальядолиде был организован заговор с целью свержения испанских властей. Революционные события в Каракасе, Буэнос-Айресе, Боготе и других колониальных центрах, где весной и летом 1810 г. было свергнуто испанское господство и к власти пришли патриотические хунты, ускорили развитие событий и в Мексике.

* * *

16 сентября 1810 г. священник селения Долорес в интендантстве⁵ Гуанахуато (Центральная Мексика) Мигель Идальго призвал своих прихожан к борьбе за свободу и за возвращение земель, отнятых у индейцев испанскими колонизаторами. Свою пламенную речь Идальго закончил словами: «Да здравствует независимость! Да здравствует Америка! Долой плохое правительство!»⁶.

Это выступление явилось сигналом к началу народного восстания, сразу же принявшего огромные размеры. Покинув Долорес, восставшие крестьяне во главе с Идальго направились на юг. По пути к ним присоединились жители окрестных селений и асьенда. Восставшие заняли г. Сан-Мигель-эль-Гранде, гарнизон которого перешел на их сторону, а через несколько дней овладели крупным центром Мексики Селаэй и повернули отсюда на северо-запад. В конце сентября отряды Идальго, общая численность которых достигла 14 тыс. человек⁷, заняли столицу интендантства — г. Гуанахуато. Здесь к восставшим крестьянам присоединились горнорабочие и городская беднота. В середине октября повстанцы, не встречая сопротивления, вступили в главный город соседнего интендантства — Вальядолид: значительная часть его гарнизона также перешла на их сторону.

После этого Идальго повел свою армию, насчитывавшую уже около 80 тыс. человек⁸, по направлению к столице вице-королевства г. Мехико. В конце октября он подошел к горному перевалу Монте-де-лас-Крусес, расположенному между долинами Мехико и Толуки; здесь повстанцы нанесли серьезное поражение испанским войскам. Однако, поскольку борцы за независимость одержали победу ценой больших потерь⁹ и им не хватало оружия и боеприпасов для штурма хорошо укрепленной столицы¹⁰, Идальго вынужден был остановиться на подступах к Мехико. Получив же сообщение об ожидаемом подходе испанских подкреплений, которые могли ударить в тыл его армии, Идальго принял решение об отходе от столицы.

В октябре — ноябре 1810 г. революционное движение распространилось на Гвадалахару (куда в конце ноября с крупным отрядом повстанцев прибыл Идальго), Сакатекас, Керетаро, Сан-Луис-Потоси и другие районы Мексики. Повсюду создавались партизанские отряды, немедленно включавшиеся в борьбу. «Легионы, появившиеся, казалось, из-под земли, дви-

⁵ Интендантствами назывались крупные административные единицы, на которые делилось вице-королевство Новая Испания.

⁶ L. Castillo Ledón. Hidalgo. *La vida del héroe*, vol. I—II. México, 1948—1949, vol. II, p. 6.

⁷ J. M. L. Mora. *Méjico y sus revoluciones*, t. I—III. México, 1950, t. III, p. 41—42.

⁸ L. Alamán. *Historia de Méjico*, t. I—V. México, 1942, t. I, p. 481.

⁹ По данным очевидца, испанского офицера Гарсия Конде, свыше 20 тыс. повстанцев были убиты, ранены или покинули поле боя.— L. Alamán. *Historia de Méjico*, t. I, p. 524.

¹⁰ По утверждению участника войны за независимость, известного историка Бустаманте, после боя при Монте-де-лас-Крусес у повстанцев осталось лишь 30 снайперов.— Цит. по кн.: A. Cavo. *Los tres siglos de Méjico durante el gobierno español hasta la entrada del ejército trigarante*. México, 1852, p. 273.

таются подобно бушующим волнам по всем направлениям; массы возглавляют неизвестные еще вчера руководители; за оружие берутся крестьяне и ремесленники, обнажают меч студент и священник», — писал видный мексиканский историк второй половины XIX в. Х. Сарате¹¹.

Основную массу восставших составляли крестьяне-индейцы¹², горнорабочие, ремесленники, городская беднота, мелкая городская буржуазия. К ним присоединилась часть интеллигенции, офицерства, чиновников, низшего духовенства, из среды которых вышел ряд руководителей движения. В борьбу включались и наиболее прогрессивные элементы зарождавшейся в то время мексиканской буржуазии. На первых порах к восстанию примкнули также многие представители креольской помещичье-буржуазной верхушки, рассчитывавшие использовать его для ликвидации ненавистного испанского господства. Однако дальнейший ход событий довольно скоро привел к изменению расстановки сил. Повстанцы в занятых ими городах, селениях и асьендах расправлялись с попадавшими в их руки крупными чиновниками, землевладельцами и купцами. Некоторых из них убивали, других арестовывали, а принадлежавшие им сельскохозяйственную продукцию, скот и иное имущество конфисковывали или уничтожали. Такая судьба постигала не только уроженцев метрополии, но зачастую также и представителей имущих классов местного происхождения, особенно богатых помещиков-креолов. Если для некоторых участников восстания, принадлежавших к наиболее зажиточным слоям общества, главная задача заключалась в ликвидации испанского господства и в завоевании независимости, то для широкой массы повстанцев, и прежде всего индейского крестьянства, не меньшее, если не большее значение имели социальные цели борьбы: устранение феодального гнета и его носителей, независимо от их расовой принадлежности. «Таким образом, — как правильно отмечает известный прогрессивный мексиканский историк Л. Чавес Ороско, — война за независимость с самого начала приняла характер классовой борьбы... Это было восстание всех угнетенных против всех угнетателей»¹³.

Война за независимость мексиканского народа являлась по своему характеру и историческим задачам буржуазной революцией, имевшей целью не только освобождение страны от испанского колониального владычества, но и ликвидацию феодальных порядков.

Указанное обстоятельство и определило конечную расстановку сил в последующей борьбе за независимость Мексики. Против восставшего народа выступили не только колониальная администрация, католическая церковь, испанская знать и другие силы, связанные с метрополией. В том же враждебном патриотам лагере оказались вскоре многие принадлежавшие к имущим классам уроженцы Новой Испании, увидевшие в антифеодальном, социальном характере народного движения угрозу своим классовым интересам, — большинство креольских помещиков и купцов, значительная часть чиновников и офицеров.

Серьезные разногласия обнаружились вскоре и среди самих руководителей восставших. Идальго, представлявший низшее духовенство, большая часть которого принадлежала к малоимущим слоям колониального общества, понимал необходимость серьезных социальных преобразований. Поэтому он в самом начале революции, наряду с призывом к борьбе против испанского ига, выдвинул лозунг возврата крестьянам экспроприирован-

¹¹ «Méjico a través de los siglos», t. I—V. Méjico, 1953, t. III, p. IX.

¹² Современник и историк войны за независимость Лоренсо де Савала указывал, что индейцы составляли ядро армии Идальго. — L. de Zavala. *Umbral de la independencia*. Méjico, 1949, p. 61.

¹³ L. Chávez Orosco. *Historia de Méjico (1808—1836)*. Méjico, 1947, p. 62—63; см. также A. Cue Canovas. *La revolución de independencia y Méjico independiente hasta 1854*. Méjico, 1947, p. 34; A. García Ruiz. *Ideario de Hidalgo*, Méjico, 1955, p. 44.

ных у них земель¹⁴. Возглавив народное восстание, Идальго стремился к его дальнейшему расширению и углублению. В то же время бывший капитан колониальной армии Игнасио Альенде и некоторые другие руководители повстанцев — кадровые офицеры и выходцы из креольской помешичьей среды — отнюдь не были заинтересованы в усилении массового народного движения. Им были чужды социальные задачи начавшейся революции, от которой они ждали лишь свержения испанского господства и установления независимости Мексики. По мере того как в ходе восстания классовая борьба принимала все более острые формы, беспокойство Альенде и его сторонников по поводу того, что Идальго ищет опоры в народных массах, заметно усиливалось.

Разногласия между руководителями восставших ослабили революционный лагерь, чем не преминули воспользоваться колониальные власти, форсировавшие военные операции против повстанцев. В конце 1810 г. испанские войска заняли Гуанахуато, Вальядолид и ряд других городов. Основным центром революционного движения стала теперь Гвадалахара, где в поредевшие отряды Идальго влились новые пополнения. «Его огромные армии, аморфные соединения солдат, крестьян, духовенства, ремесленников, женщин и детей, — писал Х. Сарате, — не раз исчезали, рассеянные картечью роялистов или увлеченные паникой, но идеи, вдохновлявшие их на борьбу, не умирали и не пропадали вместе с ними, и всегда находились защитники и мученики, готовые сражаться и жертвовать собой во имя родины»¹⁵.

Сосредоточенная в Гвадалахаре революционная армия насчитывала не менее 80 тыс. человек (а по некоторым данным, даже 100 тыс.)¹⁶. Однако в середине января 1811 г. она все же потерпела новое поражение от хорошо обученных и вооруженных испанских войск. Это поражение деморализовало повстанцев, многие из них покинули ряды революционной армии. Ее разложению способствовало также дальнейшее усиление разногласий среди руководителей восставших. Около двух месяцев продолжалось отступление остатков разгромленной революционной армии под натиском преследовавших их испанских войск в северном направлении. 21 марта в результате предательства повстанцы попали в засаду и были окончательно разбиты. Идальго и другие руководители движения, а также многие его рядовые участники были захвачены в плен и вскоре после этого казнены.

Хотя пленение и казнь Идальго и его соратников нанесли серьезный удар освободительному движению в Мексике, тем не менее оно продолжало развиваться и уже во второй половине 1811 г. вновь охватило большую часть страны. Повсюду действовали многочисленные партизанские отряды, угрожавшие важнейшим административным и экономическим центрам, остававшимся в руках колонизаторов. К концу 1811 г. интендантства Гуанахуато, Гвадалахара, Вальядолид, Сакатекас и значительная часть Пуэблы, Веракруса, Сан-Луис-Потоси и Мехико перешли под контроль восставших. Испанские гарнизоны удерживались лишь в немногих крупнейших городах.

Характеризуя ход борьбы в Мексике после гибели Идальго, ее современник, видный либеральный деятель Х. М. Л. Мора указывал на активное участие в ней народных масс¹⁷. Крестьяне составляли основной контингент отрядов Торреса в Гвадалахаре. Действовавшие в Гуанахуато под руководством Альбино Гарсии партизанские кавалерийские отряды состояли главным образом из крестьян — метисов и мулатов, энергично поддер-

¹⁴ Эти действия Идальго вызвали особую ярость епископа Вальядолида Абад-и-Кейро, издавшего 8 октября эдикт об отлучении от церкви руководителей восставших. — «Méjico a través de los siglos», t. III, p. 760.

¹⁵ «Méjico a través de los siglos», t. III, p. 146.

¹⁶ L. A la man. Historia de Méjico, t. II, p. 115—116.

¹⁷ J. M. L. Mora. Méjico y sus revoluciones, t. III, p. 149.

живаемых во время боевых операций индейцами¹⁸. В районе Веракруса к революционному движению быстро примкнули негры-рабы, работавшие на плантациях сахарного тростника¹⁹.

Наибольших успехов добились патриоты в Южной Мексике, где борьбу за независимость возглавил ученик и соратник Идалго, тоже приходский священник Хосе Мария Морелос, бывший в молодости погонщиком мулов. Его отряд состоял главным образом из крестьян-peonов и ранчero²⁰. Стремясь объединить все революционные силы Мексики, Морелос установил контакт с другими центрами освободительного движения и партизанскими отрядами. В декабре 1811 г. он освободил ряд городов на юге страны, в том числе Куаутлу. Здесь Морелос сосредоточил свои главные силы, к которым вскоре присоединились и другие партизанские отряды. В течение февраля — апреля 1812 г. повстанцы, среди которых было много негров и мулатов, героически обороныли Куаутлу от испанских войск. Хотя последним в начале мая и удалось овладеть этим важным центром восстания, однако уже с осени 1812 г. революционное движение в Мексике снова усилилось, особенно на юге, где продолжали активные действия отряды Морелоса и его соратников — крестьянина Висенте Герреро, сельского священника Мариано Матамороса, ранчero Галеаны, выходцев из помещичьей среды братьев Браво. В августе отряды Морелоса заняли г. Теуакан, ставший их основной базой. В конце ноября они овладели столицей интендантства г. Оахакой, где конфисковали имущество местных богачей-испанцев. Активное участие в борьбе против колонизаторов в этом районе приняли сапотеки и другие индейские племена²¹. В апреле 1813 г. Морелос овладел последним опорным пунктом испанцев на южном побережье Мексики — тихоокеанским портом Акапулько.

В середине сентября 1813 г. в г. Чильпанцинго был созван Национальный конгресс, назначивший Морелоса генералиссимусом и возложивший на него функции главы исполнительной власти. Выражая стремления народных масс, демократическое крыло освободительного движения, возглавлявшееся Морелосом, потребовало, чтобы конгресс провозгласил независимость Мексики и принял программу прогрессивных, антифеодальных преобразований. Иную позицию занимали, однако, представители креольских помещиков и купцов, которые еще в августе 1811 г. образовали в Ситакуаро так называемую «Верховную национальную хунту Америки» во главе с адвокатом Игнасио Районом.

Ситакуарская хунта претендовала на руководство освободительным движением, однако фактически она не пользовалась авторитетом среди патриотов, а многие командиры партизанских отрядов вообще отказывались подчиняться ей²². Это объяснялось главным образом колебаниями и непоследовательностью самой хунты, отсутствием у нее ясной политической платформы и полным игнорированием ею коренных социально-экономических проблем, волновавших широкие слои населения. Умалчивая или лишь в самой общей форме упоминая о задаче установления независимости, члены хунты настойчиво подчеркивали свою лояльность Фердинанду VII. В письме Морелосу от 4 сентября 1811 г. они указывали, что хунта по «тактическим соображениям» должна выступать от имени Фердинанда VII, ибо это поможет ей привлечь на свою сторону тех креолов, которые чувствуют себя связанными присягой законному монарху²³. В марте 1812 г. вице-королю было направлено одобренное хунтой обращение к уроженцам метрополии, в котором выражалась готовность прекра-

¹⁸ L. Alaman. *Historia de Méjico*, t. III, p. 186.

¹⁹ Ibid., t. IV, p. 90.

²⁰ A. Cue Canovas. *La revolución de independencia...*, p. 40.

²¹ C. Basauri. *La población indígena de México*, t. 1—3. México, 1940, t. 2, p. 516—517.

²² L. Chávez Orozco. *Historia de México*, p. 91.

²³ J. M. L. Mora. *Méjico y sus revoluciones*, t. III, p. 273.

тить борьбу при условии признания американских колоний составной частью монархии, на равных правах с Испанией²⁴.

Не будучи в состоянии сплотить вокруг себя революционные силы, Ситакуарская хунта была к тому же серьезно ослаблена внутренними разногласиями и военными неудачами повстанцев в Центральной Мексике. Поэтому Району, составившему монархический проект «Основ конституции» Мексики, и его единомышленникам не удалось навязать большинству Национального конгресса, выступавшему за полный разрыв с метрополией и испанской короной, предложение признать власть Фердинанда VII.

Выражая чаяния всех мексиканских патриотов, конгресс принял 6 ноября 1813 г. декларацию о полном суверенитете и независимости Мексики. Одновременно был принят манифест к мексиканскому народу, в котором подчеркивалось, что освобождение от колониального ига имеет решающее значение для судьб страны, и содержался призыв поддержать борьбу за независимость²⁵. Конгресс принял также ряд решений, направленных против феодальной эксплуатации и расовой дискриминации.

Стремясь освободить центральные районы страны, Морелос предпринял в конце 1813 г. наступление на север с целью овладеть одним из главных опорных пунктов испанских войск — Вальядолидом. Однако здесь он потерпел поражение, понеся большие потери. Воспользовавшись этим, колонизаторы активизировали военные операции против патриотов. В первой половине 1814 г. испанские войска заняли Оахаку и Акапулько, а также добились значительных успехов в борьбе с повстанцами Пуэблы и Веракруса. В боях погибли ближайшие сподвижники Морелоса — выдающиеся партизанские командиры Матаморос и Галеана. Спасаясь от преследований испанских войск, Национальный конгресс, в котором тем временем усилилось оппозиционное Морелосу консервативное помещичье-буржуазное крыло, вынужден был постоянно менять свое местопребывание.

22 октября 1814 г., находясь в небольшом городе Апачингане, конгресс провозгласил первую в истории Мексики конституцию, которая предусматривала установление республики и декларировала не только принцип народного суверенитета, но и право народа создавать и сменять правительства по своему усмотрению. Конституция провозглашала также равенство всех граждан перед законом, свободу слова, печати, неприкосновенность жилища²⁶.

В течение последующего года революционные силы во главе с Морелосом вели упорную борьбу с колонизаторами, которая имела значительный резонанс далеко за пределами страны. В частности, выдающийся деятель освободительного движения Южной Америки Симон Боливар писал в сентябре 1815 г. в своем известном «Письме с Ямайки», что в Мексике успешно действует «известный генерал Морелос»²⁷. Лишь с конца 1815 г., после разгрома главных сил повстанцев, пленения и казни Морелоса, революционное движение попло на убыль и в большей части Мексики была восстановлена власть колонизаторов. Этому способствовали восстановление абсолютизма в метрополии, благоприятная для реакции международная обстановка, а также поддержка колонизаторов креольской верхушкой и разногласия внутри самого революционного лагеря.

Таким образом, на протяжении первых пяти лет войны за независимость (1810—1815 гг.) освободительное движение в Мексике носило массовый характер. Роль народных масс в этом движении характеризуется не только их активным участием в вооруженной борьбе, но и тем влиянием, которое оказали политические и социально-экономические требования народа на программы и действия выдающихся руководителей войны за независимость Мексики.

²⁴ J. M. L. Mora. México y sus revoluciones, t. III, p. 182—194.

²⁵ «Leyes fundamentales de México, 1808—1957». México, 1957, p. 31—32.

²⁶ Ibid., p. 32—58.

²⁷ S. Bolívar. Discursos. Proclamas. Correspondencia. México, 1943, p. 170.

Выражая интересы крестьянства и других слоев трудящегося населения, а также наиболее передовой и радикально настроенной части зарождавшейся мексиканской буржуазии, Идальго и Морелос видели задачу революции не только в освобождении от испанского ига, но и в осуществлении глубоких преобразований в социально-экономическом и политическом строем Мексики.

За короткий период своей революционной деятельности Идальго осуществил целый ряд важнейших мероприятий, направленных на ликвидацию рабства, расовой дискриминации, феодальных повинностей, торговых монополий и других атрибутов колониального режима. Еще 19 октября 1810 г. новый интендант Вальядолида Ансорепа издал, по указанию Идальго, декрет о немедленном освобождении рабов, запрещении работорговли и отмене подушной подати²⁸. 23 октября Игнасио Район по поручению Идальго также объявил об освобождении рабов и провозгласил полное равенство всех уроженцев Мексики, независимо от их расовой принадлежности²⁹. Вступив в Гвадалахару, Идальго поспешил уже 29 ноября издать декрет, предусматривавший, наряду с освобождением рабов в течение 10 дней (под страхом смертной казни в случае невыполнения этого постановления) и упразднением подушной подати, ликвидацию монополий на производство и продажу пороха, табачных изделий, вина, снижение алькабалы и употребление обыкновенной бумаги вместо гербовой³⁰. Неоднократное повторение указанных выше предписаний было обусловлено не только тем значением, которое им придавалось, но и военной обстановкой, ограничивавшей в каждый данный момент их распространение территории, контролировавшейся революционной армией.

5 декабря 1810 г. Идальго опубликовал очень важный декрет о возвращении индейским общинам арендованных у них земель³¹, причем распорядился немедленно собрать всю следуемую за них арендную плату и запретил впредь сдавать общинные земли в аренду, «ибо я желаю,— указывал он,— чтобы ими пользовались только индейцы соответствующих селений»³².

Все эти мероприятия имели большое историческое значение. Как отмечает У. З. Фостер, Идальго был «одним из немногих, кто смело поставил вопрос о земле»³³, имевший столь важное значение для мексиканского крестьянства. Он первым в Америке провозгласил отмену рабства, стремясь тем самым ликвидировать одну из главных основ колониального режима. Глубокий социальный смысл имел и упразднение им подушной подати, этого своеобразного символа бесправия плативших ее индейцев, негров и метисов. Он принимал также меры для устранения различных препятствий, мешавших развитию производства и торговли. «Идальго зоплотил самые заветные чаяния огромного большинства мексиканцев»,— писал Х. Сарате³⁴.

Обосновавшись в Гвадалахаре, Идальго приступил к организации органов управления на контролируемой повстанцами территории³⁵ и даже попытался создать центральное правительство. Он предложил созвать кон-

²⁸ «Méjico a través de los siglos», t. III, p. 137—138.

²⁹ J. M a y a. Hidalgo en Jalisco. Guadalajara, 1954, p. 158—159.

³⁰ «Méjico a través de los siglos», t. III, p. 762.

³¹ Появление этого декрета было вызвано тем обстоятельством, что значительная часть общинных земель находилась в руках помещиков,名义上 считавшихся арендаторами, но фактически полностью распоряжавшихся этой землей и не вносивших индейским общинам никакой арендной платы.

³² «Cinco siglos de legislación agraria en Méjico», t. I—II. Méjico, 1941. t. I, p. 64.

³³ У. З. Фостер. Очерк политической истории Америки. М., 1953, стр. 221.

³⁴ «Méjico a través de los siglos», t. III, p. IX.

³⁵ Следует отметить, что Идальго и до этого пытался создать кое-где местные органы власти, назначая интендантов и других должностных лиц.

гресс, который должен был издать законы, имевшие целью покончить с ограблением страны колонизаторами и нищетой населения, обеспечить развитие промышленности, искусств и ремесел, а также свободное использование естественных богатств³⁶. Идальго не высказывался прямо относительно той формы правления, которую он хотел бы установить. Однако он неоднократно выступал против монархии как сторонник республиканского строя³⁷.

Защищая интересы угнетенных масс, Идальго вместе с тем не хотел отталкивать тех представителей имущих классов, которые еще поддерживали революционное движение, а также стремился если не привлечь на свою сторону, то по крайней мере нейтрализовать креольскую верхушку, большая часть которой перешла в ходе событий в лагерь колонизаторов. Стремление к объединению всех классов и слоев местного населения в борьбе за независимость Мексики проходит красной нитью через один из наиболее ярких документов, вышедших из-под пера Идальго,— манифест, опубликованный в начале декабря 1810 г. в Гвадалахаре³⁸. Призывая к борьбе за свержение испанского господства, Идальго подчеркивал в этом манифесте, что залогом победы являются совместные действия всех уроженцев Новой Испании против колонизаторов. «Американцы!— писал он.— Порвем же позорные цепи, которыми мы скованы столько времени. Чтобы осуществить это, нам необходимо лишь единство. Если мы не будем сражаться друг против друга, то война закончится, и мы добьемся своих прав»³⁹.

В опубликованном во второй половине декабря 1810 г. обращении к «американской нации» Идальго призывал мексиканцев, сражавшихся на стороне испанцев и составлявших большую часть их армии, дезертировать и присоединяться к патриотам. Для быстрой победы над гачупинами, писал он, необходимо лишь изолировать их⁴⁰. «Однако креолы, как социальный класс,— замечает А. Куз Кановас, имея в виду помещичье-буржуазную креольскую верхушку,— предпочли... бороться против Идальго, потому что движение за независимость угрожало латифундистскому, феодальному строю колонии, благами которого креолы пользовались вместе с испанцами»⁴¹.

Продолжатель дела Идальго Морелос также уделял большое внимание социально-экономическим и политическим проблемам освободительной революции. Еще 17 ноября 1810 г. он, от имени Идальго, опубликовал документ, объявлявший об отмене рабства, подушной подати, деления населения на категории по расовому признаку, упразднении пороховой монополии и об аннулировании задолженности мексиканцев уроженцам метрополии⁴². Правда, добиваясь объединения всех антииспанских сил, Морелос издал 13 октября 1811 г. декрет, который запрещал захват имущества креольских помещиков повстанцами и допускал лишь возможность конфискации имущества врагов независимости — испанцев и поддерживающих их креолов. «Поскольку мы не преследуем богачей как таковых, в том числе и богатых креолов, никто не должен посягать на их имущество из-за того, что они очень богаты»,— указывал он⁴³. Однако со временем, в связи с дальнейшим обострением борьбы и все более активной поддержкой колонизаторов креольской верхушкой, позиция Морелоса в этом вопросе значительно изменилась. Во второй половине 1812 или в начале 1813 г. им был разработан новый план действий руководителей револю-

³⁶ «Los procesos militar e inquisitorial del padre Hidalgo y de otros caudillos insurgentes». México, 1953, p. 248.

³⁷ A. García Ruiz. Ideario de Hidalgo, p. 18, 33.

³⁸ См. J. A. Maya. Hidalgo en Jalisco, p. 74—76.

³⁹ «Los procesos militar e inquisitorial del padre Hidalgo...», p. 248.

⁴⁰ J. M. L. Mora. México y sus revoluciones, t. III, p. 114—116.

⁴¹ A. Cue Canovas. La revolución de independencia..., p. 33—34.

⁴² «Cinco siglos de legislación agraria en México», t. I, p. 63.

⁴³ L. Alaman. Historia de México, t. II, p. 589.

ционных сил⁴⁴. В этом важном документе Морелос прямо указывал, что «все богачи, знать и крупные чиновники, креолы или гаупини, должны рассматриваться как враги нации и приверженцы тирании»⁴⁵. Командирам революционных войск предлагалось при занятии населенных пунктов немедленно конфисковывать имущество всех лиц, принадлежавших к указанным выше категориям, и одну половину его распределять между бедняками этих селений, а другую использовать для военных нужд. При этом предусматривалась также и конфиссация богатств церкви. Далее Морелос предлагал повстанцам разрушать на занимаемой ими территории здания, в которых размещались различные колониальные учреждения, и сжигать архивы. В одном из разделов плана говорилось о необходимости ликвидации и раздела латифундий и о поощрении мелкого землевладения⁴⁶.

Враги Морелоса использовали этот документ для самых невероятных измышлений и обвинений по его адресу. В противовес этим нападкам многие современные мексиканские историки подчеркивают прогрессивный характер программы Морелоса. Так, В. Саэнс указывает, что действия Морелоса, будучи направлены против уроженцев метрополии, составлявших 1% жителей и владевших, вместе с духовенством, более чем тремя четвертями национального богатства Мексики, имели целью освобождение 99% ее населения⁴⁷.

Ряд важнейших социально-экономических и политических вопросов войны за независимость нашел свое отражение в программном документе, представленном Морелосом Национальному конгрессу 14 сентября 1813 г. под названием «Чувства нации». Этот документ предусматривал отмену рабства и деления населения на группы по признаку расовой принадлежности, замену бесчисленных податей и сборов единым для всех налогом (в размере 5% дохода), гарантии собственности и неприкосновенности жилища, издание законов, которые умерили бы роскошь одних и нищету других, открытие портов для иностранных судов, запрещение пыток и т. д.⁴⁸. Последовательно выступая за полную независимость Мексики и установление республиканского строя, Морелос неоднократно высказывался против того, чтобы патриоты признавали своим сувереном Фердинанда VII. Он отрицательно отнесся к монархическому проекту конституции И. Райспа и в письме к последнему от 7 ноября 1812 г. настойчиво предлагал изъять из его текста всякое упоминание о Фердинанде VII⁴⁹. В «Чувствах нации» были четко сформулированы основные принципы национальной независимости, народного суверенитета, разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Морелос подчеркивал, что Мексика не станет свободной до тех пор, пока враг не будет изгнан из страны и тирания не уступит место либеральной форме правления⁵⁰. После того как Национальный конгресс принял программу действий, разработанную Морелосом, последний издал ряд распоряжений, направленных на ее пре-

⁴⁴ Оригинальный текст этого документа не сохранился. Имеется лишь сокращенная копия его, снятая Л. Аламаном с копии, опубликованной Х. М. де Хуамартиньеной. По мнению мексиканского историка Э. А. Чавеса, план был составлен между июнем 1812 и февралем 1813 г., но не Морелосом, а каким-то другим автором.— E. A. Chávez. Morelos. México, 1957, p. 204—216. Однако большинство современных мексиканских историков, в том числе такие исследователи войны за независимость, как А. Теха Сабре, Л. Чавес Ороско, А. Куз Кановас, не подвергает сомнению авторство Морелоса. В частности, Теха Сабре в своей известной работе о Морелосе, а также в статье, специально посвященной вопросу о подлинности указанного документа, убедительно опровергает аргументы Э. А. Чавеса.— A. Teja Zabre. Vida de Morelos. México, 1959, p. 210—215; его же. Morelos, hombre de guerra y nombre de paz.— «Historia mexicana», vol. VIII, 1959, № 4, p. 505—511.

⁴⁵ L. Alaman. Historia de Méjico, t. III, p. 616.

⁴⁶ Ibid., p. 616—618.

⁴⁷ V. Saenz. Morelos y Bolívar. México, 1947, p. 79.

⁴⁸ «Leyes fundamentales de México, 1808—1957», p. 30—31.

⁴⁹ A. Teja Zabre. Vida de Morelos. p. 168.

⁵⁰ «Leyes fundamentales de México, 1808—1957», p. 29—30.

творение в жизнь. Так, 29 января 1814 г. им был опубликован в Оахаке-повый декрет, предписывающий освобождение рабов и прекращение уплаты подушной подати, отменявший особые обозначения различных расово-этнических групп населения, аннулировавший задолженность мексиканцев уроженцам метрополии, пороховую монополию и т. д.⁵¹. Характеризуя деятельность Морелоса и его соратников, центральный орган компартии Мексики газета «*La voz de Mexico*» отмечала, что они стремились «не только порвать цепи, которые связывали нашу страну с Испанией, но и добиться осуществления ряда коренных требований народа, главным образом в интересах индейских и крестьянских масс, составлявших большинство общества»⁵².

Политические идеи Морелоса оказали известное влияние на формулировку отдельных положений Апачинганской конституции 1814 г., являвшейся в целом шагом вперед по сравнению, например, с испанской конституцией 1812 г. и проектом Района. Однако и в этой конституции не нашли отражения социальные требования, выдвинутые Морелосом в «Чувствах нации» и других документах. Отмечая это обстоятельство, Л. Чавес Ороско и А. Каановас правильно объясняют его тем, что авторы конституции 1814 г. выражали главным образом классовые интересы креольских помещиков и духовенства⁵³. Не случайно поэтому сам Морелос отрицательно относился к Апачинганской конституции.

Лозунги и программы Идальго и Морелоса, отражавшие требования и интересы широких слоев населения, в свою очередь способствовали активному вовлечению народных масс Мексики, особенно крестьянства, горнорабочих и городской бедноты, в борьбу за свержение колониального ига, за независимость страны.

* * *

Несмотря на то, что к концу 1815 г. большая часть территории страны снова оказалась под контролем испанской колониальной администрации, патриоты не прекращали борьбу за независимость. В различных районах Мексики продолжали действовать партизанские отряды, насчитывающие в общей сложности около 10 тыс. человек⁵⁴. Героической, хотя и безуспешной попыткой освободить Мексику от испанского владычества явилась высадка экспедиции, организованной в 1817 г. видным участником народной войны против французских захватчиков в Испании Ф. Х. Миной-младшим. В крайне тяжелый для патриотов период войны за независимость, в 1818—1819 гг., на юге Мексики, в бассейне реки Мескала, борьбу против колонизаторов продолжал достойный преемник Идальго и Морелоса Висенте Геррero.

В результате подавления народного движения в основном были устраниены причины, побудившие в свое время большую часть креольской помещичье-буржуазной верхушки отказаться от борьбы за независимость и перейти на сторону колонизаторов. Между тем в 1820 г. в Испании произошла буржуазная революция, в ходе которой была восстановлена конституция 1812 г. и проведен ряд антифеодальных и антиклерикальных мероприятий. Под влиянием революционных событий в метрополии и успехов борьбы за освобождение испанских колоний в Южной Америке в Мексике стал намечаться новый подъем освободительного движения. В такой обстановке еще недавно лояльные к метрополии крупные помещики и купцы, высшее духовенство и военно-бюрократическая верхушка, стремясь сохранить в неприкосновенности угодные им прежние порядки, стали

⁵¹ L. Alaman. *Historia de Méjico*, t. III, p. 528—529.

⁵² «*La voz de México*», 30.IX.1955.

⁵³ L. Chávez Orozco. *Historia de México*, p. 93—94; A. Cue Canovas. *La revolución de independencia...*, p. 49—50.

⁵⁴ L. Alaman. *Historia de Méjico*, t. IV, p. 626—628.

добиваться теперь отделения Мексики от революционной Испании. Они рассчитывали таким путем помешать дальнейшему развитию революции и сохранить свое господство и привилегии⁵⁵. Их политической платформой стал так называемый «план Игуала», опубликованный в феврале 1821 г. полковником А. Итурбиде, принимавшим в прошлом деятельное участие в подавлении революционного движения. Наряду с провозглашением независимости Мексики этот план предусматривал установление конституционной монархии и сохранение прежней системы управления, а также существенные гарантии интересов колониальной верхушки⁵⁶. Полностью игнорируя социально-экономические, а в значительной мере и политические задачи революции, «план Игуала» являлся большим шагом назад по сравнению с прогрессивными программами Идальго и Морелоса⁵⁷. Тем не менее содержавшаяся в этом плане идея независимости обеспечила ему поддержку широких кругов народа, в том числе многих участников освободительной борьбы и, в частности, таких выдающихся партизанских руководителей, как Висенте Герреро, Гуадалупе Виктория, Николас Браво. Но поскольку демократические патриотические силы были к этому времени серьезно ослаблены, руководство движением за независимость оказалось в руках наиболее консервативных элементов. Поэтому провозглашение независимости Мексики 28 сентября 1821 г. не сопровождалось существенными социально-экономическими преобразованиями и ликвидацией монархии. Лишь после краха недолговечной империи Итурбиде прогрессивные силы страны добились в 1824 г. принятия конституции, устанавливавшей республику и предусматривавшей ликвидацию некоторых феодальных институтов.

Освобождение Мексики от колониального гнета и превращение ее в суверенное государство явились прежде всего результатом той героической и самоотверженной борьбы, которую вел, начиная с 1810 г., мексиканский народ во главе с Идальго, Морелосом и другими выдающимися патриотами. Принятие мексиканским конгрессом в июле 1823 г. специального декрета, в котором высоко оценивались революционные заслуги Идальго, Морелоса, Матамороса, Галеаны и других выдающихся борцов за независимость⁵⁸, — красноречивое признание роли народных масс и их руководителей в освободительной войне в Мексике.

⁵⁵ J. Leon. Una opinión sobre el movimiento de independencia.—«Liberación», 1957, № 7, p. 46.

⁵⁶ «Leyes fundamentales de México, 1808—1957», p. 113—116.

⁵⁷ Подчеркивая принципиальное отличие «плана Игуала» от идей Идальго и Морелоса, Ломбардо Толедано характеризовал его как план установления независимости при сохранении привилегий господствующих классов.—V. Lombardo Toledano. Actualidad viva de los ideales del cura Hidalgo. México, 1943, p. 10.

⁵⁸ «México a través de los siglos», t. III, p. 765.